

НОВАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ В РИМЕ

Эпоха гражданских войн в Риме — трудная тема для современной буржуазной науки. Невозможно правильно понять сложную политическую историю перехода от республики к империи, если не видеть, что в основе политических событий лежит классовая борьба. Однако именно о классовой борьбе буржуазная историография упоминает теперь все более неохотно. Прошли те времена, когда учение о классовой борьбе могло служить обоснованием победы и господства буржуазии и когда историки XIX в., руководствуясь политическим опытом своего класса, конструировали стройную картину римской революции. Такие построения уже не соответствуют современным интересам буржуазии. Происходит пересмотр моммзеновской традиции. Понятие «революции» сохраняется, но содержание этого понятия перетолковывается по-новому.

Попытку обосновать этот пересмотр традиции сделал А. Хейс в статье «Закат римской республики и проблема революции»¹. Для Хейса классовая борьба непременно предполагает, что борющиеся стороны отчетливо осознают свою классовую противоположность и цели своей борьбы. Такое же искаженное понимание классовой борьбы он без всякого основания приписывает всей современной науке — прежде всего, марксистской. Сделав эту передержку, он легко доказывает, что к античности такое понимание неприменимо: борьба рабов против рабовладельцев не ставила целью ниспровержение рабства как системы, плебс был пассивным орудием политиканов, всадники заботились лишь о своих частных выгодах; аграрная программа популяров была по существу консервативной, и Тиберий Гракх оказался «революционером против воли». Единственным случаем сознательного выступления масс была Союзническая война. После Союзнической войны уже не было политики, а была лишь борьба полководцев за власть. Сулла еще заботился о том, чтобы укрепить государство; Цезарь уже заботился только о том, чтобы возвысить себя. Таким образом, «римская революция» не имела сознательно поставленной цели, что и требовалось доказать. Имела ли она какие-нибудь причины, и в чем заключались эти причины, — такого вопроса Хейс предпочитает не ставить.

Такой вопрос пытается поставить Р. Смит, автор книги «Упадок римской республики»². Кризис республики, — утверждает Смит, — был не политическим и не экономическим, а прежде всего духовным. Дело в том, что в последнем веке республики римское общество не имело перед собой единой общенародной цели. До гражданских войн такой целью была оборона (только оборона!) от Карфагена и других опасных соседей, после гражданских войн такой целью стала забота о благе подчиненных слабейших народов; в промежуточную эпоху такой общей цели не было, и поэтому энергия граждан сосредоточилась на личных целях каждого: отсюда эгоизм, «грубый материа-

¹ A. H e u s s, Der Untergang der römischen Republik und das problem der Revolution, HZ, 182 (1956), стр. 1—28.

² R. E. S m i t h, The Failure of the Roman Republic, Cambr., 1955.

лизм», роскошь и разврат, потеря религиозного чувства и т. д., и т. п. Автор приводит знакомое сравнение: судьба Рима аналогична судьбе Англии в XIX в. и США в XX в., империалистическая политика которых также якобы вытекала из сознания ответственности за судьбы мира и малых народов. Однако Англия и США пришли к такому сознанию путем эволюции, а не революции; этот путь был открыт и для Рима, и если Рим не пошел по нему, то это вина Гракхов, злых гениев римской истории. Гракхи впервые поставили интересы сословия выше интересов государства, сделали понятия свободы и республики партийными лозунгами и этим раз навсегда разрушили вожделенное единство римского общества. Разложение стало быстро усиливаться и усиливалось до тех пор, пока общество окончательно не изнемогло от распрей и пока Октавиан не выдвинул новую общенародную цель: борьбу с Востоком в лице Клеопатры. Автор всячески расхваливает римскую аристократию и всячески чернит популяров. Идеалом государственной гармонии он считает сенатское правление начала II в., когда каждый класс знал свое место и не завидовал другим, а «знать распоряжалась управлением, и все остальные сословия были этим довольны» (стр. 8). Марий для Смита — политикан, бесчестно интригующий за спиной благородного Метелла (стр. 97); восстание Сатурнина — не более как «хулиганские беспорядки» (стр. 100); о восстании Спартака он вообще не упоминает — после подавления Лепида «Рим жил спокойно несколько лет до 71 г.» (стр. 109).

Примерно такую же картину рисует Ф. Р. Кауэлл в популярном очерке «Цицерон и римская республика», опубликованном вторым изданием в 1956 г.³ Так же как и Смит, Кауэлл ищет причину кризиса в индивидуализме римского общества. «Римляне не знали, что делать с собой, и в этом была их трагедия» (стр. 359). Из этого он делает вывод: нельзя говорить о борьбе классов и даже о борьбе партий в эпоху гражданских войн — для этого не было достаточного единства интересов среди граждан (стр. 360). Была только борьба за власть между отдельными политиками с их приверженцами — борьба не за принципы, а за личные выгоды. Книга Кауэлла писалась в годы второй мировой войны; «тоталитаризм» представляется ему высшим злом, а демократия — высшим благом (в этом его отличие от Смита). Собственно, Рим потому и погиб, что он еще не дорос до буржуазной демократии (стр. 375). Поэтому, когда дело доходит до модного в буржуазной науке противопоставления Цицерона и Цезаря⁴, автор безоговорочно высказывается в пользу первого: величие Цицерона заключалось в том, что он напоминал о всеспасительных принципах свободы в эпоху, когда Цезарь строит свое «тоталитарное государство».

Книги Смита и Кауэлла, броско написанные и выдержанные в духе последовательной модернизации, предназначены в основном для массового читателя. Проблемы истории гражданских войн рассматриваются здесь в широком плане, и в этом отношении названные книги являются исключениями среди массы работ академических ученых, предпочитающих ограничиваться частными вопросами. Именно поэтому в них особенно ясно раскрывается несостоятельность современной буржуазной историографии с ее тенденцией подменять общественную борьбу раздорами честолюбивых вождей.

Такая тенденция не является новостью. Она представляет собой дальнейшее развитие просопографического направления в историографии, реакционная сущность которого не раз характеризовалась на страницах нашего журнала⁵. Почтительные ссылки на трактаты Гельдера и Мюнцера все чаще можно встретить на страницах современных работ, и недаром Бэдиен посвятил одну из своих статей *manibus Fr. Muenzeri*. Общая характеристика эпохи гражданских войн с точки зрения просопографического направления была дана в книге Л. Росс Тэйлор о партийной политике времен

³ F. R. C o w e l l, *Cicero and the Roman Republic*, Harmondsworth, 1956 (Penguin book).

⁴ См. Е. М. Ш т а е р м а н, Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе, ВДИ, 1950, № 3, стр. 152—160.

⁵ См., например, ВДИ, 1951, № 3, стр. 169—173; 1953, № 2, стр. 141—145.

Цезаря⁶; новым толчком для развития просопографических исследований послужило издание двухтомника Броутона⁷, в котором впервые были собраны воедино данные обо всех должностных лицах республиканской эпохи. Влияние просопографизма на историографию гражданских войн чувствуется во многих работах последних лет.

Не приходится говорить о том, как такой подход ограничивает кругозор исследователей. Экономическая основа социальных явлений остается вне поля зрения буржуазной науки. В виде исключения можно указать на интересную статью Тибилетти о латифундиях в Италии⁸. Тибилетти напоминает, что борьба против латифундий никогда не была прямой целью римских политиков: для Гракхов это было средством к возрождению древнего крестьянства (автор сочувственно цитирует мнение С. И. Ковалева о консервативности гракханского идеала), а для Мария, Суллы, Цезаря и Октавиана — средством вознаграждения своих приверженцев. В согласии с господствующим взглядом, Тибилетти считает, что латифундиальное хозяйство было широко распространено уже в конце республики и мало пострадало от переделов Суллы и триумвиров. Автор уделяет внимание и проблеме рабства; однако при этом он склонен сглаживать четкую грань между рабами и свободными, ссылаясь на то, что беднейшие свободные жили не лучше рабов, а квалифицированные рабы — не хуже свободных. Такой подход не дает больших возможностей проследить основное противоречие рабовладельческого общества.

Полностью замалчиваются буржуазными историками проблемы восстаний рабов. Лишь маленькая заметка К. Циглера посвящена вопросу о происхождении Спартака⁹. Автор предлагает читать текст Плутарха (Ср., 8, 3) τοῦ Μακεδονικοῦ γένους (вм. τοῦ Νορδικοῦ) и думает, что Спартак происходил из фракийского племени медов, с которыми воевал Сулла в 86 г. и Аппий Клавдий Пульхр в 76 г.; попутно вновь поминается популярный домысел о родстве Спартака со Спартокидами.

Не только волнения рабов, но и массовые волнения свободных остаются без внимания при просопографическом подходе к материалу. Демократическое движение от Гракхов до Клодия не получило никакого отражения в статьях западных ученых. Даже о Гракхах не появилось ни одной сколько-нибудь ценной работы, тогда как противникам Гракхов посвящены две статьи. В одной из них¹⁰ борьба Гая Гракха с Ливием Друзом рассматривается как эпизод в традиционном соперничестве двух *factions*: Сципионов — Эмилиев и Клавдиев — Фульвиев; при этом Гракх изображается лицемерным демагогом, а Друз — практичным политиком, заботящимся о благе народа. В другой статье¹¹ утверждается, что гракханцы в борьбе против Сципиона Эмилиана руководствовались не политическими, а личными мотивами, и вдохновительницей этой борьбы была мать Гракхов, ненавидевшая Эмилиана — приемыша в роде Корнелиев.

⁶ L. R. Taylor, *Party Politics in the Age of the Caesars*, Los Angeles, 1949; см. рецензию А. И. Немировского, ВДИ, 1951, № 3, стр. 169—178.

⁷ T. S. Broughton, *The Magistrates of the Roman Republic*, I—II, N. Y., 1951—1952.

⁸ G. Tibiletti, *Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'Impero*, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», Fir., 1955, II, стр. 235—292.

⁹ K. Ziegler, *Die Herkunft des Spartacus*, «Hermes» 83 (1955), стр. 248—250. Нам были недоступны недавние работы М. С a r o z z a, *Le rivolte servili di Sicilia*, «Atti dell'Istituto Veneto di Scienze», Cl. di Sc. mor., 115 (1956—1957), стр. 79—98 и J. V o g t, *Struktur der antiken Sklavenkriege*, Mainz, 1957.

¹⁰ H. C. Boren, *Livius Drusus*, t. p. 122, and his anti-Gracchan Program, *CJ*, 52 (1956), стр. 27—36.

¹¹ M. van den B r u e w a e n e, *L'opposition à Scipion Emilien après la mort de Tiberius Gracchus*, «Phoibos», 5 (1950—1951), стр. 229—238.

Сравнительно больше внимания уделяется борьбе всадничества против нобилитета. Моммзен видел в ней аналогию борьбе буржуазии против аристократии в новое время. В противоположность этому, современные историки с особой настойчивостью твердят, что эта борьба была лишена всякого политического содержания и что всадники стремились лишь к тому, чтобы им никто не мешал заниматься их коммерцией. Наиболее обстоятельная работа о римском всадничестве принадлежит Г. Хиллу и называется «Римский средний класс в период республики»¹². «Средним классом» Хилл называет всадничество в широком смысле слова: не только лиц, зачисленных в 18 центурий, но и всех, обладающих известным всадническим цензом. Установление этого ценза Хилл связывает с судебной реформой Гая Гракха — взгляд распространенный, но не общепринятый. Что, собственно, означает понятие «средний класс» и зачем понадобился этот новый термин, остается неясным. Определения, принимаемые Хиллом, неудовлетворительны и противоречивы: с одной стороны, это «слой общества, существование которого бесспорно...», но который настолько лишен четких признаков и качеств, что может быть определен только как находящийся между двумя другими классами», с другой стороны, это «та часть общества, для которой деньги — первое условие и первое средство к жизни»¹³. В книге пять глав: первые две описывают формирование сословия на основе древних конных центурий, третья посвящена экономической деятельности всадничества, четвертая и пятая — политической роли всадничества до Гракхов и после Гракхов. Заканчивается книга приходом к власти Октавиана, когда деятельность всадников впервые перестала служить целям личной наживы и подчинилась государственным интересам. Изложение автора отлично документировано, но ни новых материалов, ни новых взглядов здесь не найти.

Политическая активность всадничества в эпоху гражданских войн неразрывно связана с деятельностью судебных комиссий *de repetundis*. Небогатый эпиграфический материал, относящийся к этой области, недавно пополнился новым документом. В журнале «*Epigraphica*», 9 (1947), стр. 3—31, Барточчини опубликовал фрагмент надписи (26 строк), найденный в районе Тарента в 1909 г. Это отрывок заключительной части *legis repetundarum*: в нем устанавливаются награды для обвинителей-неримлян, определяется порядок публикации закона и судебных материалов и предусматривается клятва магистратов в верности закону. Издатель высказал предположение, что новый отрывок принадлежал к *lex Servilia Glaucia*; с ним согласился А. Пиганьоль¹⁴. Обычно считалось, что этот закон относится к трибунату Главции, время которого неизвестно: предлагались даты 111, 109, 104, 101 гг.; Барточчини принял дату 111 г., обоснованную Моммзеном. Пиганьоль предположил, что *lex repetundarum* был внесен Главцией не во время своего трибуната, а во время преторства, т. е. в 100 г.; это позволяет видеть в упоминании о клятве магистратов отголосок мероприятий Сатурнина. Известны еще две надписи, предусматривающие клятву магистратов: это Дельфийская надпись об управлении Македонией и Сирией (*Suppl. Epigr. Graec.*, III, 378), относящаяся к тому же времени, и *Tabula Vantina* (*CIL*, I², 582), которую Пиганьоль также считает возможным датировать трибунатом Сатурнина.

Публикация тарентинского фрагмента послужила поводом для пересмотра всех наших данных о *leges de iudiciis repetundarum*. Такой пересмотр предпринял Дж. Тибилетти¹⁵. В обширной статье он разбирает и сравнивает важнейшие места известных надписей и приходит к весьма смелым выводам. Каким законом впервые были учреждены всаднические суды? Законом Ацилия — утверждали Фраккаро и Ласт.

¹² H. Hill, *The Roman Middle Class in the republican period*, Oxf., 1952.

¹³ H. Hill, *The Equites as a Middle Class*, Ath., 33 (1955), стр. 327—332.

¹⁴ A. Piganiol, *Sur la nouvelle table de bronze de Tarente*, «*Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions*», 1951, стр. 58—63.

¹⁵ G. Tibiletti, *Le leggi de iudiciis repetundarum fino alla guerra sociale*, Ath., 31 (1955), стр. 5—100.

и эта точка зрения господствовала в XX в.; законом самого Семпрония Гракха — полагал Моммзен, и к этому мнению присоединяется Тибилетти. Какой закон сохранился в известной надписи CIL, I², 583 (*tabula Bembina*)? Закон Ацилия — полагал Моммзен, и вслед за ним почти все исследователи; закон Семпрония — утверждает Тибилетти. Подлинный закон Ацилия, внесивший, по-видимому, какие-то мелкие изменения в закон Семпрония, нам неизвестен. Неизвестна даже его дата, ибо общее мнение, что Ацилий был трибуном 123 г., основывалось на том, что в астипалейском законе IGR, IV, 1028a, видели упоминание одного закона, изданного Ацилием вместе с Рубрием, коллегой Гракха, — в действительности же оказывается, что формулировка греческой надписи говорит о двух отдельных законах. Во всяком случае, закон Ацилия уже был в силе в 111 г., когда оборот таблицы с устаревшим семпрониевым законом был использован для новой надписи. На смену закону Ацилия пришел закон Цепиона 106 г., восстанавливавший сенатские суды: обломком этого закона и является новый тарентинский фрагмент; так как практика клятвы в верности закону была в ходу задолго до Сатурнина, то нет основания относить этот фрагмент к 100 г. и связывать с именем Главции. С большим правом можно отождествить закон Главции с *tabula Bantina*, в которой говорится о судебных коллегиях, закрытых для сенаторов, и также предусматривается клятва.

Конечно, система отождествлений, предложенная Тибилетти, является лишь гипотезой. В частности, тарентинский и бантинский фрагменты настолько бессодержательны, что сам Тибилетти оговаривает условность их сближения с законами Цепиона и Главции. Более того, центральный пункт системы Тибилетти, отождествление *tabula Bembina* с законом Семпрония, основывается лишь на возможной реконструкции лакуны: *quei in hac ceivit [ate sestertium quadringentorum milium n. plurisve sensus siet...]*. Такая реконструкция была предложена Моммзеном в 1863 г., и потом сам автор отказался от нее; однако Тибилетти считает ее единственно возможной.

Поэтому понятно, что далеко не все утверждения Тибилетти получили поддержку со стороны других ученых. Так, Э. Бэдиен¹⁶, соглашаясь с соображениями Тибилетти об астипалейской надписи, все же предпочитает отождествлять закон Ацилия с *tabula Bembina* и датировать его (вслед за Ластом) 122 годом. В таком случае последовательность гракханских судебных законов получает следующий вид: 1) *lex Sempronia ne quis iudicio circumveniretur*, предполагающий еще чистосенаторские суды; 2) *lex Sempronia*, по которому сенат пополнялся тремястами всадников, и этому новому корпусу передавались суды (из Плутарха видно, что этот закон был принят, но так как никаких сведений о его применении не сохранилось, то, по-видимому, очень скоро он был заменен новым); 3) *lex Acilia*, передающей суды исключительно всадникам (самому Гракху было неудобно отменять им же только что предложенный закон, и он поручил это своему приверженцу Манию Глабриону). Так складывается картина постепенного наступления Гракха на сенат. Первый из перечисленных законов — *ne quis iudicio circumveniretur*, — по мнению Э. Ярнольда¹⁷, может быть отождествлен с бантинской надписью, в толковании которой автор расходится с Тибилетти. Что касается клятвы магистратов, то она могла быть одним из демократических новшеств Гракха, забытым во время реакции и возрожденным при Сатурнине.

Таково состояние вопроса о судебных законах конца II в. до н. э.

Другая проблема, привлекающая внимание многих историков, — это последовательность и значение событий 90-х годов до н. э. Подход к исследованию — почти исключительно просопографический: кропотливо анализируются дружеские связи, ссоры, браки и т. д. Однако события этого времени известны нам настолько плохо, что даже такой метод оказывается ценным орудием для необходимого предварительного исследования.

¹⁶ E. Badian, *Lex Acilia repetundarum*, AJP, 75 (1954), стр. 374—384.

¹⁷ E. J. Yarndol, *The Latian Law of Bantia*, AJP, 78 (1957), стр. 163—172.

В самых общих очертаниях картина «темного десятилетия» приобретает в свете новых работ следующий вид. Первые годы после подавления мятежа Сатурнина продолжала держаться *concordia ordinum*, стихийно сложившаяся перед угрозой со стороны плебса. Марий близок к аристократии, с ним сотрудничают Катилы, Цезари, оратор Марк Антоний. Враждебную Марию группировку знати возглавляют Метеллы, Котты и Цепионы: они стоят за спиной Скавра и Друза. В 95 г. аристократия переходит в наступление: Скавр начинает процесс против Норбана, последний находит поддержку у италиков, консулы издают закон Лициния-Муция, направленный против италийского резерва марианцев¹⁸. В следующем 94 году в Азию отправляется проконсулом Муций Сцевола и легатом при нем известный Рутилий Руф: они быстро осуществляют (вероятно, по заранее разработанному плану) реорганизацию той провинции, откуда всадники извлекали больше всего доходов¹⁹. Инициатива этого мероприятия, по-видимому, принадлежала Скавру, который за два года до того проезжал через Азию, чтобы разрешить конфликт между Митридатом и каппадокийским царем. Силы Мария слабеют, аристократические союзники один за другим покидают его; слабым возмещением была поддержка Цепиона младшего (сына аравзионского неудачника), который, поссорившись с Друзом, переметнулся от оптиматов к марианцам²⁰. Однако Марию удается поднять всадничество против азиатских реформаторов: в 92 г. Рутилий был осужден, Сцевола избежал суда лишь благодаря родству с Марием, и самому Скавру Цепион предъявил обвинение в подкупе со стороны Митридата. Но Скавру удалось уйти от суда: чувствуя нарастание опасности, он убеждает Друза выступить в следующем году с широкой программой, одной из задач которой было оторвать от Мария италиков. Марий, напрягая все силы, срывает проект Друза (в частности, позиция этрусков, умбров и кампанцев в союзническом вопросе объясняется личными связями Мария с этими племенами), но это лишь дискредитирует его в глазах италиков, а вынужденное участие в подавлении союзнического восстания окончательно компрометирует его. (Интересная деталь: во время союзнической войны штаб консула Рутилия состоял в основном из марианцев, а штаб консула Л. Цезаря — из оптиматов: кратковременное возрождение *concordiae* 100 года.) Чтобы военными победами вернуть себе былой престиж, Марий проводит войну с Митридатом, ему помогает Сулпиций (бывший приверженец оптиматов, порвавший с ними, как и Цепион, по личным мотивам) и т. д. — дальнейшие события достаточно известны. По мнению Э. Фрэнк²¹, союз Мария с оптиматами был еще более продолжителем, и лишь выступление Сулпиция положило ему конец.

О Союзнической войне интересную, хотя во много спорную, работу опубликовал Э. Габба²². Он утверждает, что восстание союзников имело не демократический, а аристократический характер, и что целью восставших была не политическая самостоятельность, а лишь равноправие с римскими гражданами. Традиционное мнение об экономической отсталости восставшей Италии неосновательно. Делосские и другие надписи, изученные Ацфельдом (J. H a t z f e l d, *Les trafiquants Italiens dans l'Orient Hellénique*, P., 1919), показывают, что значительная часть италийских купцов, торговавших на востоке, происходила из Кампании, Апулии, Лукании, Пизена. Отсюда вытекает заинтересованность высших классов италийского населения в направлении римской политики, в первую очередь, — внешней. Отсюда — их стремление добиться римского гражданства и принять участие в политической жизни Рима. Сперва ита-

¹⁸ E. G a b b a, *Politica e cultura in Roma agli inizi del I sec. a. C.*, Ath., 31 (1953), стр. 259—272.

¹⁹ E. V a d i a n, *Q. Mucius Scaevola and the province of Asia*, Ath., 34 (1956), стр. 104—123.

²⁰ E. V a d i a n, *Caepio and Norbanus: notes on the decade 100—90 b. C.*, «*Historia*», 6 (1957), стр. 318—346.

²¹ E. F r a n k, *Marius and the Roman Nobility*, CJ, 50 (1955), стр. 149—152.

²² E. G a b b a, *Le origini della guerra sociale e la vita politica romana dopo l'89 a. C.*, Ath., 32 (1954), стр. 41—114 и стр. 293—345.

лики пытались действовать в союзе с римским всадничеством. Но позиция всадников была двусмысленной: они ценили италиков как союзников в борьбе против сената, но боялись их как конкурентов в восточной торговле. После неудачи Друза италийские высшие классы (*seti elevati*) отчаялись в помощи со стороны и начали вооруженную борьбу. Чтобы обеспечить себе поддержку народных масс Италии, восставшие выдвинули лозунг независимости от Рима, имевший, таким образом, только пропагандистское значение. Добившись гражданства и включившись в политическую жизнь Рима, высшие классы италиков быстро утратили свой радикализм: их представители сотрудничают не только с Марием, но и с Суллой. Последним отголоском Союзнической войны явилось испанское восстание Сертория. При всей скудости данных автор считает возможным утверждать, что испанскими колонистами этой эпохи были в основном не римляне, а италики, и что на этих-то *Hispanienses* и опирался Серторий: не случайно базой Сертория была осская колония Оска. Старыми торговыми связями этих италиков объясняются сношения Сертория с подданными Верреса и с Митридатом. Серторий был последним демократом старого закала: его поражение в борьбе с Помпеем означало, что римская демократия превратилась из самостоятельной политической силы в орудие полководцев, борющихся за власть.

В отзывах на работу Габба²³ отмечалось, что смелые выводы автора недостаточно обоснованы, что именно торговые области Кампании, Апулии и т. д. почти не участвовали в Союзнической войне, что Кампания и отчасти Пизен уже пользовались римским гражданством, что италийские надписи из Испании отчасти относятся к более поздней эпохе. Ценность работы Габба — в попытке извлечь «новые факты из старых свидетельств», а также в том внимании, какое он уделяет социальной стороне восстания. Другие статьи о Союзнической войне представляют меньший интерес. Можно упомянуть работу Х. Мейера²⁴, который разбирает вопрос об организации государства восставших и приходит к выводу, что высшим органом государства был не сенат, а общее народное собрание, и что поэтому нельзя говорить о представительной организации государственной власти в «Италии».

Сочинения, посвященные диктатуре Суллы, касаются преимущественно частных вопросов. А. Бискарди²⁵ разбирает текст *App., Bel. civ., I, 55, 266* о мероприятиях 88 года: об отмене голосования по трибам и о возврате к порядкам Тулла. Автор полагает, что речь идет не о долгосрочном установлении, а об исключительном положении, принятом для того, чтобы утвердить за Суллой экстраординарное командование против Митридата. В статье проследивается ход борьбы между оптиматами и популярями вокруг предварительной санкции сената для законопроектов, выносимых в комиции. Э. Габба²⁶ пытается объяснить противоречия между данными Саллюстия — Дионисия и Ливия — Аппиана о составе сената при Сулле: по его мнению, Сулла сперва пополнил обезлюдевший сенат своими ветеранами до нормы в 300 человек (прецедент — *Liv., XXIII, 22, 1—2*, после битвы при Каннах), а затем прибавил к ним столько же всадников, и этой новообразованной коллегии передал суды, осуществив таким образом замыслы Гракха и Друза²⁷. Болсдон²⁸, анализируя прозвища Суллы — *felix* и *ἐπιφροσύνης* — приходит к выводу, что второе из них является не пере-

²³ См., например, E. Sherwin-White, *JRS*, 45 (1955), стр. 168—170.

²⁴ H. Meyer, *Die Organisation der Italiker im Bundesgenossenkrieg*, «Historia», 7 (1958), стр. 74—79. Работа G. Tibiletti, *La politica delle colonie e città latine nella guerra sociale*, «Rendiconti dell'Istituto Lombardo, Cl. di lettere», 86 (1953), стр. 45—63, была нам недоступна.

²⁵ A. Biscardi, «Plebiscita» et «Auctoritas» dans la législation de Sylla, «Revue historique de droit Français et étranger», 29 (1951), стр. 153—172.

²⁶ E. Gabb, *Il ceto equestre e il senato di Silla*, *Ath.*, 34 (1956), стр. 124—138. Ср. о н же, *Note Appianee*, *Ath.*, 33 (1955), стр. 218—230.

²⁷ Ср. E. Gabb, *Osservazioni sulla legge giudiziaria di M. Livio Druso*, «Parola del passato», 50 (1956), стр. 363—372.

²⁸ J. P. V. D. Balsdon, *Sulla felix*, *JRS*, 41 (1951), стр. 1—10.

водом первого, а самостоятельным титулом, предназначенным для греческого Востока и напоминающим о происхождении римлян от Энея и Афродиты. Г. Эркелль²⁹ не согласен с ним и считает, что *ἑπαφροδίτος* = *venustus*. Хронологию событий 82—80 гг. исследует Э. Бэдиен³⁰; его вывод: африканская кампания Помпея, его возвращение в Рим и споры с Суллой о триумфе все вместе занимают не более трех месяцев, так что первый триумф Помпея был отпразднован в 81 г. (как думал Моммзен), а не в 79 г. (как думают многие современные ученые).

Неожиданно много работ посвящено событиям 59 года. Прежде всего, надо назвать статью Ганслика³¹, который, основываясь на *Cic., Att., II, 3*, вслед за Э. Шварцем относит к февралю этого года организацию первого триумvirата: если все остальные источники указывают на 60 год, то это потому, что они восходят к Поллиону, переставшему событиям ради художественного эффекта в начале своей истории. Этим и объясняется то, что Цезарь первое время терпел сенатские проволочки с аграрным законом, а не сразу обратился к комициям. Впрочем, Л. Р. Тэйлор³² считает, что проволочки были недолгими, и что закон был принят комициями уже в конце января: таким образом, вопреки Плутарху, Бибул просидел дома не восемь, а одиннадцать месяцев. Дату другого закона 59 г. — *lex Julia de repetundis* — устанавливает С. Уст³³, относя его к августу-сентябрю. Граммель указывает³⁴, что положение триумvirов не было твердым, и что из консулов, избранных на 58 г., Кальпурний был ближе к оптиматам, чем к Цезарю. Делу Веттия, при помощи которого триумvиры пытались скомпрометировать своих противников, посвящена целая серия статей. Мак Дермотт³⁵ считает, что Веттий на всем протяжении своей деятельности был агентом Цезаря, и даже доносы на Катилину в 63 г. и выступая против самого же Цезаря в 62 г., выполнял его тайные поручения. Л. Р. Тэйлор³⁶ попыталась пересмотреть датировку дела Веттия и отнесла его к июлю 59 г., ссылаясь на то, что оно произошло до трибунских выборов, а трибунские выборы не могли быть отложены. Этот взгляд не нашел поддержки³⁷: Уст полагает, что в 59 г. трибунские выборы, как и консульские, были отсрочены до октября. Как бы эпилогом к законодательству 59 г. является *Lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia* 55 г., предусматривавший порядок муниципальной организации земель, поделенных по аграрным законам Цезаря: об этом законе говорится в заметке Л. Р. Тэйлор³⁸.

Монография Ж. ван Оотегема о Помпее уже рецензировалась в нашем журна-

²⁹ Н. Е r k e l l, *Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudien*, Göteborg, 1952.

³⁰ E. B a d i a n, *The Date of Pompey's first Triumph*, «Hermes», 83 (1955), стр. 107—118.

³¹ R. H a n s l i k, *Cicero und das erste Triumvirat*, «Rheinisches Museum», 98 (1955), стр. 324—334.

³² L. R. T a y l o r, *On the Chronology of Caesar's first Consulship*, *AJP*, 72 (1951), стр. 254—268.

³³ S. I. O o s t, *The Date of the lex Julia de repetundis*, *AJP*, 77 (1956), стр. 19—28.

³⁴ W. C. G r u m m e l, *The Consular Elections of 59 b. C.*, *CJ*, 49 (1954), стр. 351—355.

³⁵ W. M c D e r m o t t, *Vettius ille, ille noster index*, «Transactions of Amer. Philol. Association», 80 (1950), стр. 351—367.

³⁶ L. R. T a y l o r, *The Date and the Meaning of the Vettius affair*, *Historia*, 1 (1950), стр. 45—51.

³⁷ См. «Classical Quarterly», 47 (1953), стр. 62—64 и 48 (1954), стр. 181—182; O o s t, ук. соч.

³⁸ L. R. T a y l o r, *Caesar's Agrarian Legislation and his municipal Polity*, «Studies in Roman economic and social history in honor of A. Ch. Johnson», Princeton, 1951, стр. 68—78.

ле³⁹. Беглые статьи Г. Коллинза⁴⁰ и У. Колдуэлла⁴¹ почти ничего не прибавляют к традиционному представлению о хорошем полководце и плохом политике. Не содержит ничего нового также статья Каду⁴² о Крассе; но она по крайней мере напоминает поклонникам Цезаря, что вплоть до галльской войны Цезарь был по сравнению с Крассом и Помпеем лишь второстепенной политической фигурой в Риме. Ф. Делла Корте посвятил Варрону Реатинскому большую монографию, озаглавленную стихом Петрарки: «Варрон, третий великий светоч Рима»⁴³. Автор вносит в этот образ свое толкование: «первый светоч», Цицерон, символизирует республику, «второй светоч», Вергилий, — империю; Варрон стоит между ними и соединяет эти две эпохи. В соответствии с этим, в традиционном образе республиканца Варрона подчеркиваются черты цезаризма: указывается на его близость с Помпеем и Цезарем (памфлет Трикаравос автор считает направленным не против триумвиров, а против разложения римского общества), и берется под сомнение его близость с Цицероном («внутренняя недоброжелательность», пассивность Варрона в заботах о возвращении Цицерона из ссылки и т. п.). Работа построена в биографическом плане, скудость данных дополняется весьма смелыми авторскими домыслами; история эпохи гражданских войн лишь слабо намечена как биографический фон. Такое же соотношение биографии и истории характерно и для других просопографических работ об отдельных деятелях этого времени. Лучше других статья Хендерсона об Эмилии Скавре младшем⁴⁴, содержащая описание запутанной и бурной предвыборной кампании 54 г., когда Скавр неудачно претендовал на консульство. Дж. Коллинз⁴⁵ излагает биографию Марка Бибула, неудачливого коллеги Цезаря по консульству; Дж. Сивер⁴⁶ посвящает свою заметку Публию Вентидию, победителю парфия, который из погонщика мулов стал консулом. Простой беллетризацией материала писем Цицерона является очерк Гарридо Божица⁴⁷ о Квинте Цицероне младшем, племяннике оратора; в центре внимания автора — семейные неурядицы Цицерона.

Литература о Цицероне будет предметом особого обзора. Здесь нужно коснуться работ, посвященных Саллюстию и Цезарю.

Три довольно объемистые работы⁴⁸ были посвящены разбору одного лишь произведения Саллюстия — «Югуртинская война» — и с одной лишь стороны — с композиционной. Значение этих работ для изучения истории заключается, во-первых, в том, что они во многом уточняют хронологию военных событий, и, во-вторых, в том,

³⁹ J. van Ooteghem, Pompee le Grand, le bâtisseur de l'empire, Br., 1954; см. ВДИ, 1956, № 4, стр. 91—92.

⁴⁰ H. P. Collins, Decline and Fall of Pompey the Great, «Greece and Rome», 22 (1953), стр. 98—106.

⁴¹ W. E. Coldwell, An Estimate of Pompey, «Studies presented to D. M. Robinson», II, St. Louis, 1953, стр. 954—961.

⁴² T. J. Cadoux, Marcus Crassus — revolution, «Greece and Rome», 3 (1956), стр. 153—161.

⁴³ F. Della Corte, Varrone il terzo gran lume romano, Genova, 1954.

⁴⁴ Ch. Henderson, The Career of the younger M. Aemilius Scaurus, CJ, 53 (1958), стр. 194—206.

⁴⁵ J. H. Collins, Porcia's first Husband, CJ, 50 (1955), стр. 261—270.

⁴⁶ J. E. Seaver, Publius Ventidius, neglected roman military hero, CJ, 47 (1952), стр. 275—280.

⁴⁷ J. M. Garrido Božić, Quintus filius, «Greece and Rome», 20 (1951), стр. 11—25.

⁴⁸ K. Büchner, Der Aufbau von Sallusts Bellum Jugurthinum, Wiesbaden, 1953 («Hermes», Einzelschriften, 9); K. Vretská, Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum, Wien, 1955 (Osterreichische Akad. der Wissenschaften, Philos-hist. Klasse, 229, № 4); A. D. Leeman, Aufbau und Absicht von Sallusts Bellum Jugurthinum, Amsterdam, 1957 (Mededelingen der nederlandse AW, afd. letterkunde, deel 20, № 8).

что они заставляют несколько пересмотреть традиционное мнение о Саллюстии — безоговорочном популяре. Саллюстий изображает Метелла не только темными красками, а Мария не только светлыми: порок знати — *superbia*, порок плебса — *insolentia*, одно зло не лучше другого. В идеале человек силой своей *virtus* сам творит свою судьбу, в действительности же *fortuna* царит над слабыми людскими добродетелями; отсюда пессимизм автора. Саллюстий — не тенденциозный памфлетист и не ортодоксальный моралист, скорее это искатель «смысла истории» — таков вывод А. Д. Лемана, автора последней из трех работ.

Продолжаются споры вокруг писем Саллюстия к Цезарю. В 1950 г. вышла книга М. Шуэ⁴⁹, целиком посвященная доказательству подлинности писем. Строгий разбор всех подытоженных здесь мнений произвел К. Фреца⁵⁰, но и он согласился, что письма подлинные. Противоположного взгляда держатся Э. Френкель⁵¹ и А. Диле⁵²: по их мнению, архаический слог историка настолько неуместен в письме-памфлете, что одно это указывает на сознательную подделку под стиль Саллюстия. За спорами о подлинности остается без внимания политический смысл писем. Шуэ полагает, что письма были предназначены для широкой публики и пропагандировали действительную программу Цезаря; что это за программа, неясно — это «то, чего желали здоровые и трудящиеся элементы населения» (стр. 120). Л. Т. Бляжик⁵³ обращает внимание на расхождения между программой Саллюстия и программой популяров, но объясняет это только тем, что Саллюстий в действительности не был популяром и боролся против богатства и знати лишь потому, что сам был беден и незнатен. Недостаточность таких толкований отметил в свое время уже С. Л. Утченко⁵⁴.

Из сочинений, посвященных Цезарю, особенно много шуму произвела книга М. Рамбо «Искусство извращения истории в записках Цезаря»⁵⁵. В этой работе нужно различать две неравноценные части: историко-литературную и собственно историческую. Общеизвестно, что Цезарь в своих «Записках» широко использовал донесения своих легатов и свои собственные отчеты сенату. Автор пытается четко разграничить текст, восходящий к донесениям легатов и к отчетам Цезаря, и текст, добавленный при литературной обработке: с некоторыми натяжками это ему удастся. Первоначальная обработка этого разнородного материала производилась, по мнению Рамбо, секретариатом Цезаря во главе с Гирцием: здесь и сформировался «цезаревский корпус», из которого только «Галльская война» и отчасти «Гражданская война» были окончательно отделаны самим Цезарем. Обработка преследовала исключительно пропагандистские цели. Автор тщательно анализирует приемы Цезаря: предварительное перечисление оправдывающих обстоятельств затушевывает ошибки Цезаря, расчленение логической последовательности событий скрывает их последствия, внимание читателя отвлекается от неудач Цезаря и сосредотачивается на его успехах и т. д. Все это выглядит несколько упрощенно, но вполне убедительно. Однако переходя к собственно исторической части, автор делает логический скачок. Он рассуждает: цель рассмотренных приемов — создать картину, выгодную Цезарю; следовательно, везде, где эти приемы в изложении налицо, положение

⁴⁹ M. Chouet, *Les lettres de Salluste à César*, P., 1950.

⁵⁰ K. Vretská, *Zur Methodik der Ehtheitskritik (Epistulae ad Caesarem senem)*, «Wiener Studien», 70 (1957), стр. 306—321.

⁵¹ E. Fraenkell, рец. на кн. Шуэ в *JRS*, 41 (1951), стр. 192—194.

⁵² A. Diehle, *Zu den Epistulae ad Caesarem senem*, «Museum Helveticum», 11 (1954), стр. 126—130.

⁵³ L. Th. Blaszk, *In Sallustii Epistulas ad Caesarem observationes aliquot*, «Charisteria Thaddaeo Sinco Wars. — Wratisl.», 1951, стр. 51—56.

⁵⁴ Ср. J. Béranger, рец. на С. Л. Утченко, *Der Weltanschaulichpolitische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik*, В. 1956, «Gnomon», 29 (1957), стр. 599—602.

⁵⁵ M. Rambaud, *L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César*, P., 1953.

ние дел в действительности было невыгодно для Цезаря. А так как «Записки» построены на таких приемах с начала до конца, то сочинение Цезаря оказывается грандиозной фальсификацией, «историей наизнанку». Цезарь пишет, что галлы ведут жизнь мирную и зажиточную, а германцы воинственную и бедную: это неверно, просто Цезарь хочет убедить читателей в том, что завоевание Галлии выгодно, а непопулярное для него завоевание Германии бесполезно. Цезарь пишет, что из милосердия он отпустил невредимыми послов тенктеров и узипетов (IV, 15,5): это жестокая ирония, ибо эти послы неминуемо были бы растерзаны галлами на обратном пути. Цезарь пишет, что причиной галльского восстания послужило легкомысленное отпадение эдуев, а душой восстания был Верцингеториг: это ложь, просто Цезарь хочет ссылкой на легкомыслие эдуев оправдать крах своей дипломатии, а ссылкой на влияние Верцингеторига затушевать патристическую ненависть галлов к римским завоевателям. Благоприятные для Цезаря показания других источников (даже характеристика галлов у Страбона) отвергаются с порога; неблагоприятные показания (даже поэтические гиперболы Лукана) принимаются безоговорочно; там, где проверить данные Цезаря невозможно (а таких случаев большинство), автор апеллирует к всепоспешившей логике событий. Попутно Цезарь изобличается в лицемерии, вероломстве, мстительности, жестокости (см. особенно список злодеяний Цезаря на стр. 283 сл.) и, наконец, в тщеславии, доходящем до клинической мании величия (стр. 366). Сочинение Рамбо — такой же обвинительный акт против Цезаря, каким были «Les secrets de la correspondance de Césaire» Каркопино по отношению к Цицерону. Историко-литературный анализ, проделанный Рамбо, интересен и ценен, но ключа к пониманию действительного хода событий он не дает. Книга снабжена прекрасной библиографией и как бы подводит итог всем интолкованиям, которых так много накопилось вокруг произведения Цезаря: именно поэтому здесь особенно ясно видна недостаточность критики «с точки зрения логики событий».

Другим образцом такой критики Цезаря является статья Стивенса о «Галльской войне»⁵⁶. Автор пытается выяснить первоначальные цезаревы планы британского похода и операций под Герговией, а также предлагает новую реконструкцию событий гельветской войны. По его мнению, Цезарь медлил напасть на гельветов оттого, что предполагал порвать с Дивинциаксом, договориться с «национальной партией» эдуев и в союзе с гельветами ударить на Ариовиста и секванов. Лишь когда этот план сорвался из-за патристического упрямства Думнорига, Цезарь стал действовать со свойственной ему быстротой.

От работ такого рода выгодно отличаются книги Барвика и Вальзера. К. Барвик, анализируя тенденциозность Цезаря в рассказе о гражданской войне⁵⁷, тщательно обосновывает свои рассуждения данными других источников, главным образом писем Цицерона, поэтому его «поправки» к изложению Цезаря малочисленны, но убедительны. Дополнением к работе Барвика может служить статья Сили⁵⁸ о сроке истечения галльских полномочий Цезаря: автор относится к показаниям Цезаря с большим доверием, нежели Барвик, и полагает, что закон 10 трибунов (52 г.) продлевал полномочия Цезаря на первое полугодие 49 г., до консульских выборов. Г. Вальзер⁵⁹ развивает одно из утверждений Рамбо — именно, что противоположность между образом жизни галлов и германцев была преувеличена Цезарем и что правый берег Рейна в эпоху Цезаря еще принадлежал кельтской, а не германской культуре — но

⁵⁶ C. E. Stevens, *The Bellum Gallicum as a Work of Propaganda*, «Latomus», 11 (1952), стр. 3—18 и 165—179.

⁵⁷ K. Barwick, *Caesars Bellum Civile: Tendenz, Abfassungszeit und Stil*. В., 1951 (Berichte der Sächs. Akademie der Wissenschaften, Philol.-hist. Kl., Bd. 98, № 1).

⁵⁸ R. Sealey, *Habe meam rationem*, «Classica et Mediaevalia», 18 (1957), стр. 75—101.

⁵⁹ G. Walser, *Caesar und die Germanen. Studien zur politischen Tendenz römischer Feldzugsberichte*, Wiesbaden, 1956 («Historia», Einzelschriften, № 1).

при этом не ограничивается умозрительными доводами, а обращается к данным археологии и лингвистики. Вывод Вальзера: Цезарь не описывал германцев как очевидец, а лишь перерабатывал литературные источники (в частности, Посидония), дополняя их собственными представлениями о «жизни, близкой к природе». Действительный антагонизм наблюдался не между галлами и германцами, а внутри самих галлов: между эдуями и секванами; Ариовист был мелким трибокским князем, лояльным союзником секванов, и претензии на господство в Галлии приписываются ему ложно; тактика Ариовиста в войне с Цезарем показывает, что его силы были много слабее римских.

Полезный корректив к обычным представлениям о тенденции «Записок» Цезаря вносит Дж. Коллинз⁶⁰. Обычно считается, что цель «Записок» — оправдание действий Цезаря. Однако это можно сказать лишь о «Гражданской войне», но не о «Галльской войне»: гражданская война, действительно, была для римлян преступлением, но всякая удачная война с варварами считалась сама по себе славным делом и в оправдании не нуждалась. «Галльская война» — это самореклама, составленная накануне борьбы за власть и обращенная к современникам; «Гражданская война» — это самооправдание, написанное после захвата власти и обращенное к потомству. Это видно, в частности, из сравнения рассказов о поражениях Сабина (Bel. Gal., V, 24 сл.) и Куриона (Bel. Civ., II, 23 сл.): в первом случае Цезарь выгораживает лично себя и поэтому чернит Сабина, во втором — выгораживает свое дело и свою партию, и поэтому восхваляет Куриона.

По-прежнему вызывает разногласие датировка «Записок». Барвик подробно доказывает, что не только «Галльская война», но и «Гражданская война» писалась и издавалась постепенно, по книге в год; Рамбо и Коллинз придерживаются мнения о одновременном составлении каждого сочинения; Эдкок⁶¹ полагает, что писались «Записки» постепенно, а изданы были сразу; Хаструп⁶² примыкает к предположению Радина и Галкина о том, что «Галльская война» была издана в три приема, к каждой из трех сушпликаций в Риме. Популярную статью, безоговорочно восхваляющую Цезаря, написал Дж. Фунайоли⁶³. Специфическое римское происхождение жанра *commentarius* доказывает Ф. Бёмер⁶⁴.

Любопытный спор по вопросу о личности Цезаря и об его месте в римской истории был начат на страницах «Historische Zeitschrift». Был ли Цезарь дальновидным реформатором государства, первым строителем империи, или он был только гениальным честолюбцем-авантюристом, стремившимся только к личному могуществу? Г. Штрасбургер⁶⁵ опубликовал статью, в которой доказывал, что для современников Цезарь был великим человеком, но не великим правителем; даже такие цезарианцы, как Требатий, Целий, Долабелла, Курион и др., в глубине души сомневались в правоте его дела; в борьбе за власть Цезарем руководило не стремление к благу государства, а только оскорбленное достоинство («это не предтеча Августа, а потомок Кориолана», стр. 257); административная деятельность Цезаря не выдерживает сравнения хотя бы с деятельностью Помпея на Востоке; и подлинным преобразователем государства явился не Цезарь, а Август. С возражениями Штрасбургеру выступил М. Гель-

⁶⁰ J. H. Collins, Propaganda, ethics and psychological Assumptions in Caesar's Writings, Frankfurt a. M., 1952 (дисс., литорг.; имеется в ФБОН).

⁶¹ F. E. Adcock, Caesar as man of letters, Camb., 1956.

⁶² T. H. Astrup, On the Date of Caesar's Commentaries on the Gallic War, «Classica et Mediaevalia», 18 (1957), стр. 59—74.

⁶³ G. Funaioli, Giulio Cesare scrittore, «Studi Romani», 5 (1957), стр. 136—150.

⁶⁴ E. Bömer, Der Commentarius: zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars, «Hermes», 81 (1953), стр. 210—250.

⁶⁵ H. Strasburger, Caesar im Urteil der Zeitgenossen, HZ, 175 (1953), стр. 225—264.

цер⁶⁶. Он напоминает о деятельности Цезаря по выведению колоний и по созданию бюрократического аппарата; в понятии *salus imperii* он видит не пустой пропагандистский лозунг, а конкретное политическое содержание; наконец, Цезарь вовсе не стремился к монархии и готов был действовать в республиканских рамках, но политика противников вынудила его начать гражданскую войну и захватить власть. Современники с их оптиматской узостью кругозора не могли оценить Цезаря, но именно он «указал направление дальнейшего развития, соответствовавшее политическим возможностям, и большего нельзя требовать от политика» (стр. 469). К точке зрения Штрасбургера присоединился Дж. Коллинз⁶⁷, доказывая, что Цезарь был гений активности, но не имел цели и плана действий: «нельзя оправдать безоговорочное пренебрежение установленными и чтимыми формами, если нет доказательств, что Цезарь заранее представил себе будущую империю, где общее благо заменило бы старую игру в монеты и почести» (стр. 457). Коллинз делит деятельность Цезаря на два периода: до гражданской войны Цезарь ведет трезвую и разумную политику, после гражданской войны выступает как опытный властью честолюбец. Причина такого перелома — чисто психологическая: соблазн неограниченного могущества, усиленный пагубным влиянием Клеопатры. Вывод: история Цезаря — «это история благородной, гениальной, исключительно одаренной натуры, которую развратила абсолютная власть» (стр. 461). Противоположного взгляда придерживается Л. Парети⁶⁸. Он также выделяет два периода деятельности Цезаря — триумvirский и диктаторский, но оценивает их по-иному: Цезарь-триумvir был еще скован партийными предрассудками и ограничен программой популяров; Цезарь-диктатор сумел стать выше партий и классов, и это дает ему право считаться подлинно великим политиком, благодетелем Рима и мира. Парети приписывает Цезарю грандиозную программу преобразований: создание справедливого равновесия между сенатом, всадничеством и плебсом, постепенное распространение римского гражданства на всю империю, слияние латинизированного Запада с эллинизированным Востоком в одну «сверхнацию». На чем основаны эти домыслы Парети, остается неизвестным.

Абстрактность самой постановки вопроса очевидна, и поэтому бесплодность развернувшейся дискуссии вполне понятна. Невозможно понять место Цезаря в римской истории без анализа социальных основ его возвышения и могущества, а именно такой анализ отвергают перечисленные историки, подбирая вместо этого разрозненные доводы за и против Цезаря. Для всех них характерно представление о надклассовом характере власти Цезаря, наиболее открыто выраженное у Парети. По той же самой причине отличается крайней бессодержательностью ряд популярных статей, посвященных двухтысячелетней годовщине гибели Цезаря и составивших специальный юбилейный номер журнал «Greece and Rome»⁶⁹.

Рядом с этими умозрительными построениями особенно ценны разыскания Альфельди⁷⁰, основанные на изучении монет Цезаря. Порочность «идеологической тео-

⁶⁶ M. Gelzer, *Was Caesar ein Staatsmann?* HZ, 178 (1954), стр. 449—470.

⁶⁷ J. H. Collins, *Caesar and the Corruption of the Power*, *Historia*, 4 (1955), стр. 445—465.

⁶⁸ L. Pareti, *L'essenza della concezione politica di C. Giulio Cesare*, «*Studi Romani*», 5 (1956), стр. 129—142.

⁶⁹ «Greece and Rome», 4 (1957), № 1: J. M. C. Tounbee, *Portraits of Julius Caesar* (стр. 2—9); L. R. Taylor, *The Rise of Caesar* (стр. 10—18); J. P. V. D. Balsdon, *The Veracity of Caesar* (стр. 19—28); P. J. Cuff, *Caesar the Soldier* (стр. 28—35); A. H. Sherwin-White, *Caesar the Imperialist* (стр. 36—45); R. Carson, *Caesar and the Monarchy* (стр. 46—53); R. E. Smith, *The Conspiracy and the Conspirators* (стр. 58—70). Другой коллективный сборник, изданный к юбилею Цезаря, *Cesare nel bimillenario della morte*, Torino, 1956 (при участии Гельдера, Тибилетти, Манильяно, Джонса, Ростаньи, Феррабино и др.) был нам недоступен.

⁷⁰ A. Alfeldi, *Studien über Caesars Monarchie*, *Kungl. humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund — Årsberättelse*, 1952—1953, стр. 1—86.

рии» дезаризма, сторонником которой является Альфельди, уже отмечалась в нашем журнале; однако это не уменьшает важности установленных им фактов. В частности, Альфельди опубликовал уникальную монету Цезаря с изображением диадемы, поднесенной ему Антонием на луперкалиях. Расчет хронологической последовательности чеканок 44 г. позволяет яснее представить последние шаги Цезаря к монархии. До середины февраля 44 г. Цезарь на монетах именовался *DICT. QVART*. Монета с диадемой относится к середине февраля и имеет ту же надпись. После этого диктаторский титул временно исчезает, и на монетах второй половины февраля Цезарь называется только императором и понтификом. Наконец, с начала марта на монетах появляется титул *DICT. PERPETVO*. Пожизненная диктатура Цезаря была санкционирована сенатом еще осенью 45 г., но отсчет ее должен был вестись от момента истечения очередного года десятилетней диктатуры, т. е. с апреля 44 г. Иными словами, Цезарь не сразу откликнулся на постановление сената, но и не дождался, пока постановление вступит в силу. Причина заключается в том, что первоначально Цезарь надеялся достичь непосредственно царской власти, минуя пожизненное диктаторство. В январе-феврале он делает пробные шаги в этом направлении (овация на латинском празднике, диадема на статуе, царская багряница, выступление Антония на луперкалиях, монета с диадемой). По-видимому, эти попытки были недостаточно поддержаны народом: чтобы успокоить общественное мнение, Цезарь снимает с монет диктаторский титул. Лишь через две недели он возобновляет монархическую пропаганду, но уже в более мягкой форме: начинает именовать себя пожизненным диктатором. Это связано с подготовкой парфянского похода и с распространением слухов о царе, которому суждено сокрушить парфян.

Необходимо заметить, что хронология, которой придерживается Альфельди, спорна. А. Раубичек⁷¹, принимая в расчет календарную реформу Цезаря, сдвигает конец очередного года десятилетней диктатуры с апреля на середину февраля. Это еще лучше объясняет, почему именно в феврале Цезарь предпринимает первые шаги к царской власти. Кроме того, Раубичек на основании титулатуры надписей на статуях Цезаря в Греции утверждает, что вторая диктатура Цезаря была годичной и кончилась осенью 47 г., после чего Цезарь был только консулом до тех пор, пока в апреле 46 г., после Тауса, сенат не провозгласил его диктатором в третий раз; при этом в промежутке между провозглашением и прибытием в Рим Цезарь считался *dictator designatus*.

Временем Цезаря начинает Ф. Фиттинггоф свой очерк римской колонизации в эпоху империи⁷². Римская колонизация ставила задачей создать в провинциях слой населения, на который могла бы опираться римская власть. Для Цезаря это было вдобавок средством создания политической клиентелы и стратегического резерва: так, отец Помпея дал Цизальпинской Галлии латинское гражданство, а Цезарь, чтобы подорвать влияние Помпеев, — римское гражданство. Автор насчитывает четыре формы привилегированных поселений в провинциях: римские колонии и муниципии и латинские колонии и муниципии. Колонии — это города, куда выведены новые поселения граждан; муниципии — это города, которым даруется право гражданства без выведения новых поселений; с течением времени разница между колониями и муниципиями все более сглаживается. Цезарь основывал преимущественно колонии, Август — преимущественно муниципии; Цезарь выводил в колонии и ветеранов, и городских пролетариев, Август — только ветеранов. Именно благодаря этой колонизации количество римских граждан с 69 г. до н. э. по 14 г. н. э. возросло с 2,7 млн.

⁷¹ А. Е. Raubitschek, *Epigraphical Notes on Julius Caesar*, JRS, 44 (1954), стр. 65—75, резюме в *AJA*, 58 (1954), стр. 148, *Ср. ВДИ*, 1956, № 4, стр. 99.

⁷² Вышел только первый выпуск: F. Vittinghoff, *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*, Wiesbaden, 1952. Статья F. Hampl, *Zur römischen Kolonisation in der Zeit der Ausgehenden Republik*, «*Rheinisches Museum*», 95 (1952), стр. 52 сл. осталась нам недоступной.

до 14,8 млн. Автор дает подробный обзор положения и состояния римских поселений в отдельных провинциях.

Роль Брута в заговоре против Цезаря подчеркивает Р. Росси⁷³: он утверждает, что Брут был не пассивным орудием Цидерона (как считает, например, Каркоино), а сознательным организатором и вдохновителем заговора. К этому взгляду примыкает Болсдон⁷⁴: среди остальных заговорщиков с их личными обидами и притязаниями Брут был единственным принципиальным борцом против тирании, и без его участия заговор провалился бы, как проваливались все предшествующие покушения на Цезаря. Самая ценная часть статьи Болсдона — тщательный анализ всех обвинений Цезаря в стремлении к царской и божеской власти, показывающий, что в основном эти обвинения неосновательны и были сочинены заговорщиками *post factum* для самооправдания.

Изучение монет 43 г. позволило Альфельди⁷⁵ установить на них изображения Брута, Октавиана и (правда, не на монете, а на перстне) Кассия, а в изображении богини Победы предположить портретные черты Сервилии. Это показывает, что сенат к этому времени символизирует уже не великую государственную власть, а власть нескольких аристократических фамилий, главы которых считают себя вправе претендовать на монетные изображения. Эти изображения развились из изображений родовых предков: они представляют собою важный этап в эволюции от *imagines maiorum* к *sacra imago* императора.

Эпизод 44 г. — переписка Цидерона с Матием — подвергнут пересмотру в статье А. Хейса⁷⁶. По мнению автора, спор Цидерона и Матия идет не о том, что выше: личная дружба или общее благо, а о том, был ли Цезарь тираном или нет. Дело в том, что понятие *amicitia* для обоих спорящих было понятием политическим и требовало верности (*fides*) другу во всех его предприятиях вплоть до гражданской войны; но если друг становился тираном, этим он ставил себя вне всяких человеческих связей, и требования *amicitiae* теряли силу. Цидерон утверждал, что Цезарь тиран, Матий отрицал это: вопрос спора был не этический, а политический.

В заключение нужно упомянуть несколько статей, посвященных внешней политике Рима в эпоху гражданских войн. С. Уст⁷⁷ разбирает, каким требованиям старинного порядка объявления войны соответствовали действия сената при разрыве с Югуртой. А. Доннаде⁷⁸ локализует и реконструирует ход битвы при Аквах Секстиевых; он предполагает, что сторожевой лагерь Мария находился при устье Изеры, а не при устье Дюрансы. К. Фёлькль⁷⁹ рассматривает тактику и роль Мария в битве при Верцеллах. Присоединение Кипра в 57 г. — предмет другой статьи С. Уста⁸⁰: автор считает, что посягательства римлян на Кипр объяснялись надеждой на крупную взятку со стороны Птолемея Кипрского, и подозревает, что поведение Катона на Кипре было

⁷³ R. F. Rossi, Bruto, Cicerone e la congiura contro Cesare, «Parola del passato», 8 (1953), № 28, стр. 26—47.

⁷⁴ J. P. V. D. Balsdon, The Ides of March, Historia., 7, (1958), стр. 80—94.

⁷⁵ A. Alföldi, Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr., «Nederlands kunsthistorisch jaarboek», 5 (1954), стр. 151—172.

⁷⁶ A. Heuss, Cicero und Matius: zur Psychologie der revolutionären Situation in Rom, Historia, 5 (1956), стр. 53—73.

⁷⁷ S. J. Ost, The fetial Law and the Outbreak of the Jugurthine war, AJP, 75 (1954), стр. 147—159.

⁷⁸ A. Donnadiu, La campagne de Marius dans la Gaule Narbonnaise (104—102 av. J. C.): la bataille d'Aix — en Provence (Aquae Sextiae) et ses deux épisodes, «Revue des études anciennes», 56 (1954), стр. 281—296.

⁷⁹ K. Völkl, Zum taktischen Verlauf der Schlacht bei Vercellae, «Rheinisches Museum», 97 (1954), стр. 82—88.

⁸⁰ S. I. Ost, Cato Uticensis and the annexation of Cyprus, «Classical Philology», 50 (1955), стр. 98—112.

не совсем благовидным. Работа Шмиттхеннера об иллирийских войнах Октавиана 35—33 гг.⁸¹ относится, пожалуй, уже к истории принципата.

Таково состояние вопроса о римских гражданских войнах в современной буржуазной науке. Наибольшую ценность из перечисленных работ имеют, конечно, исследования нового эпиграфического и нумизматического материала, но их немного. Представляют интерес просопографические разработки отдельных темных эпизодов эпохи. Однако везде, где приходится подниматься от частных к самой сущности явлений, буржуазная историография только лишней раз демонстрирует свое бессилие. Пожалуй, это лучше всего видно именно на примере изучения этого переломного периода римской истории.

М. Л. Гаспаров

---

⁸¹ W. Schmitthener, Octavians militärische Unternehmungen in den Jahren 35—33 v. Chr., *Historia*, 7 (1958), стр. 189—236.